

ИЗ ОТВЕТОВ МЭРА МОСКВЫ

Ю.М. ЛУЖКОВА

на вопросы читателей газеты «Труд»

(сентябрь 1997 года)

Мы должны сделать так, чтобы благополучие работоспособных членов общества определялось только общественным спросом на производимые ими товары и услуги. Мы должны обеспечить положение, в котором продавец товара получал бы только за созданную им стоимость, а стоимость использованных природных ресурсов возвращалась бы их хозяину - всему народу России. Мы должны, наконец, изменить структуру заработной платы, оставив налогоплательщику ту часть отбираемых у него денежных средств, которые потом все равно приходится вернуть ему в виде дотаций на социальные и коммунальные услуги. Правительство Москвы неоднократно высказывалось по всему этому комплексу мер в печати и других средствах массовой информации, а также вносило соответствующие предложения в Правительство РФ и Президенту.

Вопрос: *В газету пишут и предприниматели, и в особенности те, кто хотел бы завести свое дело, - те и другие не без оснований называют российскую налоговую систему «государственным рэкето́м». Вы нередко и остро выступаете против разного рода неоправданных поборов, даже челноков недавно защищали. Что надо делать, что делаете Вы (как член Совета Федерации и глава столичного правительства), чтобы изменить существующую фискальную практику?*

Не нужно упрощать проблемы государственных доходов. Мы все видим трудности становления новой экономической системы в России. Но мы недостаточно внимания обращаем на то обстоятельство, что при формировании доходной и расходной частей бюджетов всех уровней у нас нет сбалансированной системы распределения функциональных обязанностей, средств на их выполнение и ответственности за конечный результат, нет увязки стоимости каждой услуги с ее объемом и качеством (на

четкой законодательной основе, с использованием рыночных механизмов).

В дореформенный период доходная база бюджетов формировалась в неявном виде из двух источников: из стоимости изъятых природных ресурсов и доходов от государственного имущества. В распределительной системе эти доходы направлялись на потребление всем населением страны, хотя делалось это весьма неэффективно. Я, конечно, ни в коей мере не хотел бы возврата к старой системе. Но я и против того, чтобы в результате перехода к новой системе прежний потребитель этих доходов - народ России - просто лишился бы их. От реформ и эти доходы и эффективность их использования должны лишь возрасти. Но, к сожалению, происходит обратное. Главным образом потому, что сейчас эти источники почти полностью утрачены.

Стоимость тонны нефти на внутреннем рынке на 40 долларов меньше, чем на мировом. Но разница идет не в доходную часть бюджета, а, в основном, сбытовым организациям. Внешнеэкономическая деятельность дает в консолидированный бюджет, страшно сказать, всего 4,6%. А природные ресурсы составляют 80% российского экспорта. Поэтому мы и говорим, что массивный экспорт сырья не приносит ни народу, ни бюджетам, ни даже добывающим организациям справедливого дохода. Второй источник - государственное имущество - тоже отдан за бесценок с помощью чубайсизации всей страны. При этом новые владельцы бывшего государственного имущества поставлены в такие условия, что *это* имущество практически вообще перестало приносить доход кому бы то ни было. Его невыгодно использовать для производства. Лучше им спекулировать или использовать для создания сбытовой сети иностранных поставщиков, создавая за счет нашего сырья высокооплачиваемые рабочие места за границей.

Развал фискальной системы усугубляется тем, что даже те урезанные доходы, которые удастся извлечь, используются не для образования оборотных средств финансируемых из бюджета предприятий, а для затыкания дыр в непроизводительной части бюджета. Поскольку большая часть предприятий лишена оборотных средств, население не в состоянии заработать достаточно денег для оплаты самых насущных жизненных потребностей. Из-за этого за государством должен быть сохранен значительный объем услуг и функций, которые оно просто обязано

исполнить, хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать вымиранию населения. Для оплаты этих услуг Правительство вместо постепенного переноса налогообложения с живого труда на посредника при продаже ресурсов продолжает искать резервы для бюджета в налогообложении доходов более законопослушных граждан и предприятий, что еще больше уменьшает шансы на оживление производства и ускоряет проедание всех запасов.

В общем, картина безрадостная. На самом деле это тупик, выход из которого состоит в реализации мер, о которых я говорил, отвечая на предыдущий вопрос. Если мы получим налоговую систему, делающую выгодным производство и невыгодным перетаскивание природных ресурсов за рубеж, то без труда решим задачу наполнения государственного бюджета на всех уровнях. Мы знаем, как надо изменить налоговое законодательство, чтобы эта задача решалась почти автоматически.

И еще я хотел бы добавить, что важнее не то, сколько собрать налогов, а то, как они используются. Если каждый собранный рубль сокращает расходы граждан хотя бы на один рубль и одну копейку, то чем больше собирается налогов, тем лучше. К сожалению, на практике мы не можем этим похвастать и должны уделить максимум внимания повышению эффективности расходования бюджетных средств. В городе мы этим уже занимаемся.

Вопрос: *Без пристрастий: что нам дала приватизация «по-чубайсовски» и что принесет приватизация «по-лужковски»? Некоторые читатели высказывают, в частности, недоумение в связи с фактическим приобретением московским правительством АМО «ЗИЛ», что, по их мнению, обернется лишь убытками. Неужели Вы уверены в обратном? Какие у Вас тут мотивы?*

О том, что дала приватизация «по-чубайсовски», я уже говорил немного. А приватизации «по-лужковски» вообще нет. Мы не занимаемся приватизацией как таковой. Мы проводим коммерческие операции с городской собственностью, в результате которых мы обеспечиваем повышение эффективности ее использования. А переходит ли она из общественного сектора в частный или, наоборот, из частного сектора в общественный, - это вопрос расчетов и выгоды с учетом интересов города.

Что касается убытков в связи с приобретением акций ЗИЛа, то они действительно есть и составляют порядка 1 млн. долларов. Но эти убытки мы должны отнести не на счет Правительства Москвы, а на счет тех, кто додумался до такой странной процедуры приватизации, когда завод, у которого один пресс стоит 32 млн. долларов, который занимает 240 га московской земли, оказался приобретенным за 6 млн. долларов. И нужно радоваться, что мы, не посягая на права частного собственника, не отменяя задним числом законов или решений, сумели «малой кровью» все-таки вернуться к исходному состоянию.

Наша следующая задача - обеспечить нормальное функционирование этого завода, так, чтобы он сумел прокормить всех своих работников, да еще платил необходимые налоги. И если уж продавать в частные руки, то продавать за настоящую цену, пусть даже со значительной рассрочкой платежа. Нет ничего нелогичного в том, что мы не исключаем возможности сначала купить, а потом снова продать. Никого ведь не удивляет, что, собираясь продать автомобиль, мы сначала вкладываем значительные средства в придание ему товарного вида. Так же и в нашем случае. Продавать лежащий на боку завод - много не заработаешь. И уж если пользоваться аналогией с автомобилем, то нашу сделку по ЗИЛу можно интерпретировать следующим образом. Некто обманным путем купил наш автомобиль за 1 тыс. долларов. Мы выкупаем его за 1,2 тыс. долларов (теряем 0,2 тыс. долларов!), а потом, поездив на нем какое-то время и затратив 1 тыс. долларов на придание ему товарного вида, продаем за 10 тыс. Тот, кто считает такую сделку разумной, поймет, почему мы стараемся организовать в экономическом смысле ту же операцию и на ЗИЛе.